

Приказав маленькой филиппинской служанке аккуратно собрать каждое печенье в коробку и раздать всем сотрудникам виллы — будь то охранники, уборщики или привратники, — Чи Е убедился, что каждый, кто работает в доме, получит свою долю.

Служанка, выполняя свои обязанности с усердием, даже превзошла ожидания. Каждому, кому она вручала печенье, она дергала за рукав и наставляла:

— Это первый раз, когда молодой господин Чи сам приготовил что-то, это очень важно.

Все в вилле были тронуты до слез. Они привыкли видеть, как молодой господин Чи ругается и капризничает, но когда он проявлял заботу о простых людях и сам готовил для них угощение?

И, что удивительно, печенье оказалось очень вкусным.

За исключением нескольких охранников, которые получили печенье с иероглифом «ждать». Они сидели вместе, обсуждая всю ночь, не могли понять, было ли это просто капризом господина Чи или намеком на то, что они заставляли его ждать слишком долго.

В итоге, проголодавшись, они съели два печенья, и этого оказалось недостаточно.

Так или иначе, Чи Е незаметно завоевал симпатию всех, кто окружал Хэ Линя.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона.

Хэ Линь сидел в своем кабинете, откинувшись на спинку кресла, и медленно открыл глаза.

На компьютере перед ним был подключен USB-накопитель, который Чи Е вручил ему несколько дней назад.

Содержание было подробным, все данные касались внутренней информации корпорации «Гуаньлун», причем большая часть из них относилась к ключевым секретам компании.

Чи Е не обманул его.

В последние несколько дней Чи Е жил спокойно и беззаботно, а Хэ Линь провел несколько бессонных ночей, лично проверяя все данные на флешке, не доверяя это никому другому.

Молодой директор осознал, что материалы, которыми владел «Чи Е», были настолько обширными и поразительными, что включали не только открытые производственные линии, патенты и ключевые проекты, но и теневые документы, двойные контракты и даже трудовые договоры некоторых топ-менеджеров.

Этого было достаточно, чтобы корпорация «Хуаньюй» обанкротилась.

Собрать такую информацию за пару лет было невозможно, значит, «Чи Е» замышлял это с самого дня их свадьбы?

Хэ Линь прижал большой палец к переносице.

Температура в кабинете внезапно упала на два градуса.

Хэ Линь был не просто обычным молодым предпринимателем. В двадцать два года он занял место главы семьи Хэ, решительно устранив всех соперников и взяв под контроль семейный бизнес. С расчетливой стратегией он расширял границы своей империи, превратив за семь-

восемь лет местное семейное предприятие в одну из ведущих транснациональных корпораций Китая. Его выдающиеся деловые способности были лишь одной стороной медали, более важным было его умение принимать решительные и жесткие решения.

Но, сталкиваясь с нынешним Чи Е, он несколько раз не мог проявить эту жесткость.

Хэ Линь машинально достал из ящика коробку с нераспечатанной мягкой глиной и начал медленно мять ее в руках.

В памяти всплыло лицо Чи Е из подвала, с покрасневшими от напряжения глазами.

Тот молодой человек казался еще красивее.

Но не только внешне, он словно изменился изнутри... будто его обнажили до самой сути и заново вылепили.

Хэ Линь выключил экран и посмотрел в окно.

На лужайке в саду несколько филиппинских служанок делились печеньем, их смех был слышен даже через несколько этажей.

Хэ Линь слегка прищурился.

О чем хотел доложить дворецкий Чжу, когда стучал в дверь?

Кажется, он говорил, что Чи Е специально приготовил для него печенье? Линь Ишуй даже сфотографировал это, потому что это был первый раз?

Но почему «первый раз» звучало из чужих уст?

Через пять минут Хэ Линь, сам не понимая почему, оказался у двери комнаты Чи Е.

Подняв руку, чтобы постучать, он вдруг остановился, пальцы зависли в воздухе.

Из-за двери доносились звуки игры на гучжэне, мелодия прерывисто просачивалась наружу.

Это был Чи Е.

Чи Е играл на гучжэне с детства.

В прошлой жизни его семья принадлежала к интеллигентной среде, дедушка был мастером в области музыки, шахмат, каллиграфии и живописи, человеком изысканного вкуса. Когда другие дети еще копались в грязи, Чи Е уже сидел за музыкальным инструментом, отрабатывая технику. Позже, при поступлении в киноакадемию, это даже добавило ему баллов как художественному таланту. Но на втором курсе университета семья разорилась, и Чи Е, чтобы заработать на жизнь, начал сниматься в фильмах, работая с утра до ночи, и больше не находил времени для игры на инструменте.

Эта мелодия называлась «Песня рыбака в вечерний час».

Исполнение не было виртуозным, но в нем чувствовалась искренность, мелодия звучала изящно и печально. Она переносила слушателя на бескрайние волны, озаренные закатом, наполняя душу спокойствием и легкой грустью.

Хэ Линь не разбирался в музыке, но умел ценить ее, и ему не хотелось прерывать игру. Он сложил руки за спиной и замер у двери.

В комнате мелодия дошла до третьей части, темп ускорился, сила ударов по струнам нарастала, но внезапно музыка оборвалась, и затем плавно полился последний аккорд...

Хэ Линь медленно закрыл глаза.

Девушка, убирающая коридор на третьем этаже, толкнула швабру вперед и нечаянно задела ею блестящие туфли, невольно вскрикнув.

Кто бы мог подумать, что у двери молодого господина Чи, где обычно никого не бывает, стоит мужчина?

Подняв голову и увидев лицо второго господина, она инстинктивно прикрыла рот.

Но было уже поздно, музыкант в комнате услышал шум, и мелодия оборвалась, не успев завершиться.

Хэ Линь нахмурился.

Через полминуты дверь распахнулась, и Чи Е высунул половину тела наружу.

Зрачки Хэ Линя внезапно расширились.

Чи Е еще не переоделся после утреннего наряда, волосы были аккуратно уложены, а его живые глаза-персики смотрели на Хэ Линя широко и удивленно.

Неудивительно, что Чи Е был поражен. Внезапное появление Хэ Линя у его двери было неожиданностью для любого.

И почему он не постучал?

Ведь образ и характер второго господина совершенно не ассоциировались с поведением «подслушивающего».

Хэ Линь почувствовал неловкость, его взгляд впервые заколебался, и он прикрыл рот кулаком:

— Кхм-кхм...

Чи Е тут же очнулся и за 0.5 секунды выдал стандартную улыбку.

Четыре белоснежных зуба блестели, голос звучал чистым и безобидным:

— Вы здесь?

Хэ Линь нахмурился:

— Я не могу быть здесь?

Чи Е быстро отступил в сторону, освобождая проход, и вежливо улыбнулся:

— Конечно, можете.

— Вся вилла принадлежит вам, господин, вы можете войти куда угодно.

Хэ Линь глубоко вздохнул, не желая исправлять двусмысленность в этих словах, и вошел в комнату.

Бубу тут же выскочил и начал вилять хвостом перед Хэ Линем, который, нехотя, протянул два пальца и погладил его.

Хэ Линь никогда не заходил в комнату Чи Е после свадьбы, и ярко-оранжевые стены заставили его потирать нос.

У широкого окна на балконе стояли кушетка и огромная лежанка для собаки, что сразу бросалось в глаза. Слева, в углу, стоял гучжэн, расположенный так, что музыкант, сидя на стуле, мог легко видеть закат.

Хэ Линь посмотрел на инструмент, его голос звучал холодно:

— Кто играл?

Чи Е честно ответил:

— Я.

Хэ Линь промолчал, медленно прищурился, явно выражая сомнение.

Он прямо сел в центре европейского двуспального дивана, занимая все пространство своими длинными ногами, не оставив места для Чи Е.

Чи Е пришлось стоять.

Второй господин не стал бы сам лезть в шкаф в поисках любовника, да и никто бы не осмелился подsunуть кого-то в комнату Чи Е под его носом.

Но то, что «Чи Е», который никогда не проявлял интереса к искусству, играл на гучжэне и делал это неплохо, было действительно странно.

Они стояли и сидели, глядя друг на друга, каждый со своими мыслями.

Шикарная и просторная спальня в этот момент казалась еще более пустой, создавая удушающую атмосферу.

Наконец, Хэ Линь двинулся, но лишь для того, чтобы закатать рукав, чтобы сидеть удобнее.

«Черт, опять он ведет себя как следователь», — подумал Чи Е.

Чи Е очень хотелось ответить, но он ценил свою жизнь и не решился.

Не зная, что делать, он молча вернулся на стул перед гучжэном и, взмахнув пальцами, закончил прерванную мелодию.

Звуки инструмента были изящны и уверенны.

«Практика — критерий истины, теперь вы точно поверите, господин?» — мысленно произнес он.

Хэ Линь пристально смотрел на Чи Е.

Его обычно бесстрастное лицо едва сдерживало удивление.

Очевидно, то, что Чи Е «умеет играть на гучжэне», произвело на Хэ Линя большее впечатление, чем если бы он «снова изменял».

Атмосфера снова стала странно тихой.

<http://bllate.org/book/16160/1448039>